

ДЭН БРАУН

Утраченный СИМВОЛ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б87

Dan Brown
THE LOST SYMBOL

Перевод с английского Е. Романовой и М. Десятовой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Sanford J. Greenburger Assoc., Inc. и Andrew Nurnberg.

Браун, Дэн.

Б87 Утраченный символ : [роман : перевод с английского] / Дэн Браун. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 576 с.

ISBN 978-5-17-086217-7 (Читаем Дэна Брауна!)

*Компьютерный дизайн А.А. Кудрявцева,
студия «FOLD & SPINE»*

ISBN 978-5-17-121212-4 (Эксклюзивная классика)

Серийное оформление А. Фереза, Е. Ферез

Приключения Роберта Лэнгдона продолжают.

На этот раз ему предстоит разгадать величайшую тайну масонов, которая способна изменить мир.

Веками хранимые секреты, загадочные знаки и символы — и смертельно опасное путешествие по лабиринтам прошлого...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Dan Brown, 2009
Школа перевода В. Баканова, 2009
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2023

Посвящается Блайт

От автора

Огромное спасибо трем дорогим друзьям, с которыми я имел счастье работать: редактору Джейсону Кауфману, литагенту Хайди Ланге и консультанту Майклу Радделу. Также хочу поблагодарить издательство «Даблдей», моих издателей по всему миру и, разумеется, читателей.

Я бы никогда не написал этот роман, если бы не помощь бесчисленных знатоков и экспертов. Всем вам я выражаю глубочайшую признательность.

Жить в мире, не стремясь понять его смысл, —
все равно что расхаживать по огромной библиотеке
и не трогать книги.

*Мэнли П. Холл.
Тайные учения всех времен и народов,
предисловие к изданию 1975 года*

Факт

В 1991 году в сейф директора ЦРУ поместили некий документ, который хранится там и по сей день. В загадочном тексте упоминаются древний портал и подземный тайник. Также в нем можно найти фразу «Оно сокрыто где-то там».

Все организации, фигурирующие в этой книге, реальны — включая братство масонов, Невидимый колледж, Службу безопасности ЦРУ, Центр технической поддержки Смитсоновского музея (ЦТП СМ) и Институт ноэтических наук.

Все ритуалы, научные исследования, произведения искусства и памятники также существуют на самом деле.

Пролог

Масонский храм, 20:33

«Секрет в том, как умереть».

С самого начала времен это было главной тайной. Тридцатичетырехлетний соискатель рассматривал человеческий череп, внутри которого алело вино.

«Пей, — мысленно сказал он себе. — Бояться нечего».

По традиции соискатель начал свой путь в ритуальном облачении средневекового еретика, приговоренного к повешению: свободная рубаха распахнута на груди, левая штанина закатана до колена, правый рукав подвернут до локтя, а на шее тяжелая петля — «вервие». Но сегодня он, как и остальные присутствующие, был в одежде мастера.

Вокруг стояли братья в полном облачении: запонах из кожи ягненка, поясах и белых перчатках. Церемониальные медали мерцали в тусклом свете, точно глаза призраков. В обычной жизни многие из этих людей занимали очень высокие посты, однако тут их мирские должности ничего не значили. Здесь все были равны: названные братья, объединенные мистическими узами.

Окинув взглядом собравшихся, соискатель невольно удивился, как столько влиятельных людей могло оказаться в одном месте... тем более в таком месте. Зал напоминал древнее святилище.

Впрочем, истина была еще удивительнее.

«Я всего в нескольких кварталах от Белого дома».

Грандиозный особняк на северо-западе Вашингтона, по адресу Шестнадцатая улица,

1733, представляет собой копию дохристианского храма царя Мавсола — той самой усыпальницы, от названия которой произошло современное слово «мавзолей». Снаружи два семнадцатитонных сфинкса охраняют бронзовые ворота; внутри — богато украшенный лабиринт обрядных залов, палат, библиотек и запечатанных гробниц; имеется даже полая стена, в которой замурованы два скелета. Соискателю сказали, что в каждой комнате здания кроется тайна, но он знал: самая важная из них хранится в зале, где он сейчас преклонил колена, бережно сжимая в ладонях череп с вином.

Храмовый зал.

Гулкий, как пещера. По периметру — идеальный квадрат. Потолок, поддерживаемый монолитными колоннами зеленого гранита, возносится на головокружительную — сто футов — высоту. Вдоль стен выстроились ярусные скамьи темного дерева с сиденьями из свиной кожи ручной выделки. У западной стены возвышается тридцатифутовый трон, а напротив — потайной орган. Стены украшает калейдоскоп древних символов: египетских, древнееврейских, астрономических, алхимических и прочих, соискателю пока неизвестных.

Сегодня Храмовый зал освещали расставленные особым образом свечи. Неяркое пламя и лунный свет, падавший сквозь большое окно в потолке, выхватывали из темноты самое поразительное украшение зала: громадный алтарь, вытесанный из глыбы бельгийского черного мрамора. Он помещался ровно посередине квадратного чертога.

«Секрет в том, как умереть», — вновь напомнил себе соискатель.

— Пора, — шепнул кто-то.

Соискатель робко поднял глаза на высокопоставленного человека в белом облачении.

«Досточтимый Мастер».

Национальный кумир, любимец народа, крепкий, бодрый и несказанно богатый. В некогда темных волосах серебрилась седина, а весь облик Мастера выражал силу и живой ум.

— Принеси обязательство, — негромко сказал Досточтимый Мастер. — Заверши свой путь.

Путь соискателя, как и все подобные пути, начался с посвящения в первую степень, или градус. Тогда, во время похожей церемонии, Досточтимый Мастер завязал глаза посвящаемого бархатной повязкой и, прижав к его обнаженной груди ритуальный кинжал, спросил:

— Истинно ли говоришь, не имея корыстных или иных нечестивых помыслов, что по доброй воле и без принуждения становишься соискателем тайн и благ сего братства?

— Да, — солгал посвящаемый.

— Так пусть это обязательство обернется жалом и сразит тебя насмерть, посмей ты единожды предать доверенную тебе тайну, — предостерег его Мастер.

Тогда соискатель не испугался.

«Им ни за что не узнать моих истинных целей».

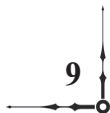
Сегодня, однако, он почувствовал в Храмовом зале зловещую торжественность и невольно стал прокручивать в голове все страшные предостережения, какие получал на пути, все обещания кошмарных мук, грозящих тому, кто посмеет выдать древние тайны: горло, перерезанное от уха до уха... вырванный с корнем язык... вырезанные и сожженные дотла внутренности, развешенные затем на четырех ветрах небесных.

— Брат, — сказал сероглазый Мастер, кладя руку на мускулистое плечо соискателя, — принеси последнее обязательство.

Собравшись с духом перед последним шагом на пути, соискатель вновь посмотрел на череп. В тусклом свете алое вино казалось почти черным. В зале воцарилась гробовая тишина, и соискатель почувствовал на себе взгляды собравшихся: все ждали, когда он принесет обязательство и пополнит ряды избранных.

«Сегодня, — подумал он, — в этих стенах свершится то, чего не случалось за всю историю братства. Ни разу, никогда».

Вспыхнет искра... которая наделит его неизмеримой властью.

Приободрившись, соискатель глубоко вдохнул и произнес те же слова, что произносили тысячи людей по всему миру:

— Пусть вино это станет смертельным ядом... если когда-нибудь я умышленно или сознательно нарушу свое обязательство.

Слова эхом отозвались в гулком зале.

Потом повисла тишина.

Соискатель поднес череп ко рту и тронул губами сухую кость. Он закрыл глаза и стал наклонять сосуд, делая большие глотки. Допив вино до последней капли, он опустил череп.

На миг ему почудилось, будто легкие сдавило, а сердце бешено застучало в груди.

«Господи, они все знают!..»

Но вскоре это чувство прошло — так же быстро, как возникло.

По телу разлилось приятное тепло. Соискатель выдохнул и мысленно улыбнулся ничего не подозревавшему сероглазому человеку, который только что по глупости принял его в тайные ряды своего братства.

«Скоро вы потеряете все, чем дорожите».

Глава 1

В лифт «Отис», поднимавшийся по южной опоре Эйфелевой башни, плотно набились туристы. Строгий бизнесмен в свежевыглаженном костюме посмотрел на стоявшего рядом мальчика.

— Сынок, ты что-то побледнел. Надо было оставить тебя внизу.

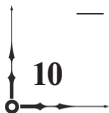
— Все хорошо... — ответил мальчик, пытаясь совладать с тревогой. — Сейчас лифт остановится, и я выйду.

«Мне нечем дышать!»

Отец нагнулся и с любовью погладил сына по щеке.

— Я думал, ты давно справился с этим страхом.

Мальчику было стыдно огорчать папу, но в ушах так звенело, что он едва расслышал его

голос. «Мне нечем дышать. Скорей бы вылезти из этой коробки!» Лифтер пытался его успокоить, болтая что-то о двухэлементных поршнях и конструкциях из пудлингового железа. Далеко внизу тянулись во все стороны парижские улицы.

«Почти приехали. — Мальчик вытянул шею и увидел платформу. — Еще чуть-чуть».

Лифт наклонился, устремившись к обзорной площадке, и шахта начала сужаться: массивные балки сомкнулись в тесный вертикальный туннель.

— Пап, я...

Внезапно наверху что-то оглушительно треснуло. Лифт дернулся и покосился, потертые тросы хлестнули по стенкам кабины, точно змеи. Мальчик потянулся к отцу.

— Пап!

На один ужасный миг их глаза встретились.

А потом дно ушло из-под ног.

Роберт Лэнгдон подскочил на мягком кожаном сиденье, стряхнув остатки сна. Он был один в огромном салоне частного реактивного самолета «Фалкон 2000EX», который сейчас боролся с турбулентностью. На заднем плане ровно гудели двигатели «Пратт энд Уитни».

— Мистер Лэнгдон, — раздался над головой трескучий голос, — мы подлетаем.

Лэнгдон выпрямился и убрал распечатку с лекцией в кожаный портфель. Сон настиг Лэнгдона на середине статьи о масонской символике. По-видимому, о покойном отце напомнило неожиданное приглашение от Питера Соломона, полученное утром. Питер был давним наставником Роберта.

«Второй человек после отца, которого мне не хочется расстраивать».

Пятидесятивосьмилетний меценат, историк и ученый взял Лэнгдона под свое крыло почти тридцать лет назад, во многом заменив юноше умершего отца. Несмотря на внушительное состояние и принадлежность к влиятельной семье, серые глаза Соломона всегда лучились смирением и теплом.

Солнце уже село, но Лэнгдон по-прежнему видел четкие очертания самого высокого в мире обелиска, взмывающего в небо подобно античному гномону. Облицованная белым мрамором колонна высотой пятьсот пятьдесят пять футов отмечала собой место, где бьется сердце нации. От обелиска в сложном переплетении расходились улицы столицы.

Даже с воздуха Лэнгдон чувствовал почти мистическую мощь Вашингтона. Он любил этот город и, как только самолет коснулся земли, ощутил в груди приятное волнение. Самолет вырулил к частной стоянке, расположенной где-то на просторах международного аэропорта Даллеса, и остановился.

Лэнгдон собрал вещи, поблагодарил пилотов и вышел из роскошного салона на трап. Холодный январский воздух дарил чувство приятной свободы.

«Дыши, Роберт», — подумал он, с наслаждением окидывая взглядом открытое пространство.

Белый туман сплошным покровом стелился по взлетно-посадочной полосе, и Лэнгдону показалось, что он ступает не на асфальт, а в болото.

— Здравствуйте! Здравствуйте! — раздался певучий женский голос с британским акцентом. — Профессор Лэнгдон!

Радостно махая рукой, к нему спешила женщина средних лет, с бейджиком на груди и блокнотом в руках. Из-под стильной вязаной шапочки выбивались волнистые светлые кудри.

— Добро пожаловать в Вашингтон, сэр!

Лэнгдон улыбнулся.

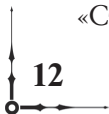
— Спасибо.

— Меня зовут Пэм, я из пассажирской службы! — Она тараторила с таким жаром, что Лэнгдону стало чуть-чуть неловко. — Пойдемте, машина уже ждет.

Он пошел за ней к терминалу авиаслужбы «Сигначер», окруженному новенькими частными самолетами.

«Стоянка для богатых и знаменитых».

— Простите за беспокойство, профессор, — робко проговорила женщина, — но вы

тот самый Роберт Лэнгдон, который пишет о символах и религии?

Помедлив, он кивнул.

— Так и знала! — просияла Пэм. — Мы в книжном клубе недавно читали вашу книгу о священном женском начале и церкви. Какой был чудесный скандал! Любите же вы наделать шуму!

— Я не шума добивался, — с улыбкой ответил Лэнгдон.

Пэм почувствовала, что он не настроен говорить о работе.

— Извините, что-то я совсем заболталась. Вам, верно, ужасно надоело, что вас везде узнают... Но тут вы сами виноваты! — Она игриво покосилась на его одежду. — Форма выдает вас с головой.

Форма? Лэнгдон окинул себя взглядом. На нем были привычная темная водолазка, твидовый пиджак, брюки цвета хаки и мокасины кордовской кожи — так он всегда одевался, идя на встречи, лекции, фотосессии и светские мероприятия.

Пэм рассмеялась.

— Эти водолазки страшно устарели! В галстук вы бы выглядели более стильно.

«Вот еще, — подумал Лэнгдон. — Только петли на шее мне не хватало!»

В колледже с громким названием Академия Филиппс-Эксетер Роберту приходилось шесть дней в неделю носить галстук. Несмотря на романтические представления директора о том, что современный галстук происходит от римского шелкового платка, которым ораторы согревали голосовые связки, Лэнгдон знал: английское слово «cravat», галстук, произошло от «Croat», хорват. Свирепые хорватские наемники, прежде чем ринуться в бой, всегда повязывали на шею платок. Ну а в наши дни этот элемент военного обмундирования носят конторские воители — в надежде запугать врага в ежедневных офисных битвах.

— Спасибо за совет, — усмехнувшись, ответил Лэнгдон. — В следующий раз буду иметь в виду.

На его счастье, впереди показался элегантный «линкольн-таункар», из которого вышел представительный мужчина в темном костюме.

— Мистер Лэнгдон? Меня зовут Чарльз, я из компании «Белтуэй лимузин». — Он услужливо открыл дверь. — Добрый вечер, сэр. Добро пожаловать в Вашингтон.

Лэнгдон оставил Пэм чаевые за радушный прием и сел в шикарный салон «линкольна». Водитель показал ему регулятор температуры, воду и корзинку со свежайшими булочками. Несколько секунд спустя машина выехала с территории аэропорта по частной трассе. «Так вот как живет другая половина!»

Гоня машину по Виндсок-драйв, водитель заглянул в путевой лист и сделал короткий звонок.

— «Белтуэй лимузин», — деловым тоном сказал он в трубку. — Меня просили позвонить, когда я заберу клиента. — Он помолчал. — Да, сэр. Ваш гость, мистер Лэнгдон, прибыл, и к семи вечера я доставлю его в Капитолий. Рад помочь, сэр.

Лэнгдон улыбнулся.

«Все-то у него предусмотрено».

Питер Соломон легко и непринужденно распоряжался немалой властью, не забывая, однако, ни мельчайшей детали.

«Впрочем, несколько миллиардов долларов на счете делу не мешают».

Лэнгдон откинулся на спинку роскошного кожаного сиденья и закрыл глаза. Шум аэропорта постепенно стихал — через полчаса они уже подъедут к Капитолию, а пока хорошо бы собраться с мыслями. События разворачивались так стремительно, что Лэнгдон только сейчас осознал, какой необыкновенный вечер его ждет.

«Прибыл под покровом тайны», — весело подумал он.

В десяти милях от Капитолия между тем старательно готовились к приезду Роберта Лэнгдона.

Глава 2

Человек, называвший себя Малахом, прижал кончик иглы к обритой голове: острое пронзило плоть, и он с наслаждением вздохнул. Тихое гудение машинки манило и завораживало... как и укусы иглы, проникавшей глубоко под кожу и оставлявшей там краску.

«Я — шедевр».

Татуировки никогда не делались ради красоты. Их накалывали, чтобы измениться: нательные рубцы нубийских жрецов за два тысячелетия до нашей эры, татуировки служителей культа Кибелы в Древнем Риме, современные маори и их шрамы «моко»... Испокон веков люди татуировали тело, словно принося его в жертву с целью выдержать испытание болью и преобразиться.

Вопреки грозным предписаниям Книги Левит (19:28), запрещавшим наносить на тело отметины, татуировки стали обычным делом для миллионов современных людей — от модничающих подростков до отпетых наркодилеров и провинциальных домохозяек.

Это стало способом заявить миру о своем могуществе: «Я властен над своей плотью». Упоительное чувство власти, возникающее при физическом перевоплощении, подтолкнуло миллионы людей к тому, чтобы различными способами изменять внешний вид: пластической хирургии, пирсингу, бодибилдингу, стероидам... даже булимии и смене пола.

«Человеческий дух жаждет власти над материальной оболочкой».

Раздался бой напольных часов, и Малах поднял глаза. Половина седьмого. Отложив инструменты, он завернулся в шелковое кимоно и вышел в коридор. Воздух шикарного особняка был напоен резким ароматом красок и дыма восковых свечей, которыми Малах стерилизовал иглы. Рослый молодой человек прошел по коридору мимо бесценного итальянского антиквариата: гравюры Пиранези, стула Савонаролы, серебряной лампы Бугарини.